

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК РЕВОЛЮЦИИ

Возможно, надо сразу определить место данного сочинения и его координаты в истории музыки, в истории советского искусства, найти его истоки, аналогии. Но это задача трудная... А может, еще просто рано обобщать? Ведь величайшие ораториальные опусы Ваха десятилетиями ждали своей минуты. А мы, между тем, только два раза слышали это произведение (второй раз на этих днях в рамках «Недели советской музыки», посвященной 50-летию революции).

Поэтому будем придерживаться фактов. Сергей Сергеевич Прокофьев написал «Кантату к Двдцатилетию Октября». В десяти частях. Для двух смешанных хоров, симфонического оркестра, военного оркестра и оркестра аккордеонистов. Текст: монтаж автора из сочинений Маркса, Энгельса, Ленина. В одной из своих статей композитор сообщал: «Я писал эту кантату с большим увлечением... надеюсь, что порывистость и искренность музыки донесут ее до нашего слушателя».

Произведение это не было исполнено к 20-летию Октября. Оно впервые прозвучало почти тридцать лет спустя. Нам остается гадать почему. То ли, как говорил сам автор, в поисках «музыкального языка, созвучного эпохе социализма... есть своеобразное сходство со стрельбой по движущимся мишеням: только взяв прицел вперед, в завтрашний день, вы не останетесь позади, на уровне вчерашних требований». То ли потому, что кому-то показалась дерзновенной мысль сочинять музыку на слова Маркса и Ленина? Впрочем, это не важно. Мы получили к 50-летию подарок, предназначавшийся 20-летию Октября. И эти тридцать лет были проверкой жизнеспособности музыки, ее подлинности.

Даже зная музыку Сергея Прокофьева, зная, как он умел писать на «прозаический» текст (вспомним хотя бы его «Гадкого утенка» по Андерсену, «Игрока» по Достоевскому, «Пеню и Волка» на слова автора), мы все же не без остороженности шли на концерт. В самом деле трудно представить себе, как будут петься слова: «Момент такой, что промедление в восстании поистине смерти подобно. Все будущее революции поставлено на карту».

Трудно представить. Но приходит гений и видит по-своему, по-новому. То раскла-

дывает текст на реплики хоров — одни спрашивают, другие отвечают, потом оба хора сливаются.

Слушатели немедленно втягиваются в «орбиту» воздействия музыки, увлечены, сомнения забыты. Захвачены величием происходящего, музыкальным воплощением эпохи («зримо», но не «грубо») — музыка высокая и доступная. Мы словно слышали Время, ощущали (особенно в части «Революция») все его величие. Мощь тектонических сдвигов, начало марша к звездам — все выражено в словах Ленина, в музыке.

Дерзновенный творческий замысел. Но замысел воплощенный. Труднейшая задача — передать в оркестре не свист ветра, выюги — передать Историю, те дни Октября, их сущность. Описание бессильно — Кантату надо услышать. Вот звучит седьмая часть — «Победа», мы слышим слова Ленина: «Сегодня мы можем праздновать нашу победу. При неслыханных трудностях жизни, при неслыханных усилиях наших врагов, мы все же победили. Лед сломан во всех концах мира. Тяжеловесная машина сдвинута с места, и в этом вся суть и есть». Победа. И словно звучит сама весна, обновление жизни, будто слышится запах весеннего талого снега.

Музыка С. Прокофьева никогда не иллюстративна. Вспомним в «Гадком утенке» выстрелы. Это не звукоподражание, а ритмические акценты, выявляющие сущность конфликта. Оркестр шумовых инструментов в Кантате «изображает» выстрел орудия, пулемет, набат, сирену, шаги («мерная поступь»). И все же Сергею Прокофьеву удалось поднять эти иллюстративные элементы до музыкально-философского обобщения. Это музыкальные образы, помогающие раскрыть сущность происходящего. Поражает прокофьевское отношение к слову. Необыкновенно русское, идущее от Мусоргского. Слово и звук сливаются, дополняют друг друга.

«Кантата к Двдцатилетию Октября» — произведение глубоко новаторское. Прокофьев осознавал всю трудность подобной задачи. Он как-то писал, что речитатив комиссара, вызывающего по телефону номер, может породить пожатие плеч — «Сюжет новый, жизнь новая. Поэтому приемы для их изображения должны быть новыми». И нам остается поражаться неисчислимым музыкальным открытиям мастера.

На память невольно приходит другой новатор — Маяковский. Чем-то они были схожи. Оба великие лирики (нового времени) трибуны и эпика. Им обоим был в высокой степени свойствен вызов средствам выражения, уже отжившим в искусстве. И утвердили стиль новый, отвечающий духу нашего времени.

Мы получили большой подарок, можно сказать, неожиданный. Кантата — большое открытие для слушателей, для нашего искусства. Она открыла нам и новые черты в самом Прокофьеве.

Композитор бесспорно видел свое произведение как массовое действо, исполняемое на площади, среди гигантского стечения народа. Недаром он полагал, что для исполнения Кантаты требуется не менее 500 человек. Мы слышали ее в Большом зале консерватории в составе значительно более скромном. Но в исполнении блестящем. Сейчас очень часто мелькают в печати комплименты Симфоническому оркестру Московской филармонии и его руководителю Кириллу Кондрашину и Республиканской академической русской хоровой капелле, возглавляемой Александром Юрловым. Это два необыкновенно живых коллектива. Старинная музыка, классика, премьеры современных произведений — самые трудные задачи им по плечу.

Кантата Прокофьева, ее сложнейшая партитура и вокальная часть, требовала при исполнении подлинного «душевного подъема и радостно напряженного внимания, нежности и стоицизма». Ведь Сергей Прокофьев никогда не думал об «удобстве» исполнителя, а лишь о художественном эффекте, требовал от каждого музыканта проявления виртуозных возможностей. Прекрасно провел Кантату К. Кондрашин. Он сумел зажечь весь коллектив.

Высокое, вдохновенное произведение. Оно навсегда останется в сокровищнице советского искусства.

Г. КУХАРСКИЙ.